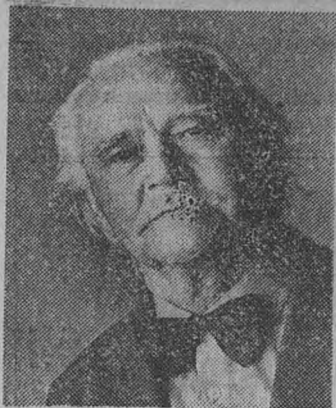

18 сентября 1982 года

ВСЕГДА МОЛОДОЕ СЕРДЦЕ

К 70-летию поэта Нури Арсланова

Семь долгих десятилетий жизни... Что воплотили они в себе, следы каких великих и малых событий легли морщинами на умное, доброе лицо и хранятся в неутомимом сердце поэта?.. С годами обостряется память, высветливая в своих глубинах прожитого мельчайшие детали, тончайшие нюансы переживаний...

Разве забыть Нури Арсланову высокие звездные ночи раннего детства на казахских джайляу, где в войлочных кибитках люди собирались у очагов послушать акынов, их песни-легенды о Кыз Жибек, Баян Слуге и Козы Корпеше, передаваемые из поколения в поколение...

Разве забыть строки Тухая, Сагита Рамеева, которые читали дома слух мать и старший брат. Первые детские строки, которые складывались в честь соседской девчонки Нафисы. Первые удачные рисунки, приезд в давно манившую Казань, техникум искусств...

Разве забыть суровые годы Великой Отечественной, ту высоту на Калининском фронте, которую он, командир стрелковой роты, вместе со своими солдатами сумел отбить у фашистов до наступления темноты, а сам, тяжело раненный, попал в госпиталь. Неумолимо медленно тянулись семь месяцев. И здесь, на больничной койке, родилась его первая поэма. Она была о войне. Ее вызвала потребность сердца рассказать правду о ратном подвиге советских воинов. В ней было само дыхание войны.

Поэму, одну из первых в татарской литературе, созданную фронтовиком, с восторгом приняли читатели. Она прозвучала по радио и была напечатана в журнале «Совет элбияты». А молодой ее автор Нури Арсланов стал членом Союза писателей.

Вернувшись с фронта кавалером ордена Красной Звезды, он создал новую поэму «Русская девушка» о Зое Космодемьянской. С большим олобрением читатели встретили и этот труд писателя.

В 1964 году его, уже известного в ту пору поэта, пригласили заведовать отделом в журнале «Казан утлары». С этого времени началось тесное сотрудничество с творческой молодежью. Редкий дар умного, чуткого наставника помог многим поэтам, целой плеяде авторов найти себя, определиться в литерату-

ре. Среди тех, кто в то десятилетие приходил в журнал и получал здесь помощь редактора отдела, ныне видные поэты Равиль Файзуллин, Ренат Харис, Радиф Гатауллин, Зульфат, Мударис Аглямов.

Стихи... Они рождались всюду. В них причудливо переплетались прошлое и день сегодняшний, в них билось сердце человека, влюбленного в природу, людей, Родину. Человека, влюбленного в жизнь.

Синь озера и неба,
о Кокчетав родной мой, —
Ларец воспоминаний,
волшебный и бездонный... —
и простор казахских степей,
где он родился, протяжный
мотив народной песни, мерное
покачивание верблюжьих
караванов возникали в памяти,
складывались в строки.

Полы шинели пробили
Пуль восемнадцать
шалых.

Другого они б уложили,
А я остался в живых... —
запах гарни и всполохи огня
вырывались в ночные сны, не
давая покоя, до боли тревожа
сердца. Рождались строки
о событиях тех лет, о тяжком
и грозном опыте минувшей
войны, пронизанные подлинной
выстраданностью, без
пустопорожней риторики.

Недавно трысогузки
улетели,
Прозрачный сад, пустой,
застыл в тиши.

И лист в ногах, опавший,
порыжелый,

С прощальным покорностью
шуршит, —

говорила душа с осенней
тишиной, желтыми ветрами, родной
землей. И природа с ее
красками, звуками, образами
помогала в постижении тайного
смысла жизни...

Воплотились в быль мечты
столетий —

Ленин видит это
с постамента.

И цветы, алея, словно
память,

На ступенях мраморных
не вянут

Здесь, на площади
Свободы, —

возникла перед глазами родная
Казань, где его однажды
в детстве подхватил и посадил на коня красноармеец,
показавшийся ему добрым,
сильным великаном из сказки,
и отряд со знаменем по-скакал по городу. Революция
и свобода, история и завтрашний
день пульсировали в образе
Родины, и в каждой стро-

фе звучал напряженный ритм времени.

Сколько было у сердца звездных мгновений!.. Когда ложились на чистый лист бумаги, звучали на татарском языке не только его собственные стихи, но и переведенные им великие строки Пушкина и Лермонтова, Гете и Беранже, Байрона и Шелли. На татарском звучал и Восток: Ширази и Хайям, Саади и Навои. На татарском звучали Некрасов и Блок, Твардовский и Исаковский, Жаров и Рождественский.

Среди сорока книг, созданных Арслановым, переводы занимают одно из достойных мест. Это не ремесло, а подлинное искусство, потому что перевел он не по заказу, а прежде всего для себя.

Арсланов, можно сказать, приверженец классического стиха. И, рассуждая о современной татарской поэзии, он сетует, что некоторые молодые поэты слишком увлекаются новизной формы в ущерб ясному, доходчивому содержанию. «Я и сам в свое время немало перепробовал в области поэтической формы, но, как видите, вернулся к истокам», — говорит он.

Основой основ он считает народное искусство. Оно ощущается в мелодике, ритме, образном строе стихов. И, наверное, не случайно заинтересовал его тюркский поэт XIV века Сайфи Сараи, о котором задумана будущая поэма.

Мир поэзии, сотворенный Арслановым за несколько десятилетий, распаивает двери для каждого, кто готов причаститься душой к раздумьям и переживаниям поэта, он завораживает мудрой неторопливостью слога, естественностью и проникновенностью интонаций. Этот волнующий мир, подаренный поэтом, остается в нас.

А работа продолжается. И, преодолевая годы, поэт говорит себе:

Ставь, сердце, парус —
надо плыть,

Пусть голозе — седесть! —
Учись у старцев мудрым

быть,

У юных — не стареть.

Учись у прошлого, как
жить,

Грядущим днем — живи!

Ведь сердце не признает старости, оно бьется в груди, вечно молодое и вдохновенное.

Роза КОЖЕВНИКОВА.

Поэтесса.

* Переводы стихов в тексте Р. Кожевниковой.